

Коган А. М., докт. экон. наук, профессор

Продолжаем публикацию,
начатую в № 3(27) 2011 г.

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: СИНТЕЗ ТЕОРИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

В статье раскрывается влияние предпринимательского капиталистического духа на становление и развитие капиталистической системы XX–XXI вв. Дается попытка соединить взгляды М. Вебера о капиталистическом духе с базовыми представлениями экономического учения К. Маркса, а также освещаются проблемы становления рыночного капиталистического духа для российской экономики, ее конкурентоспособности.

Ключевые слова: капиталистический дух, протестантская этика, ментальность, марксистская теория, капиталистическая система, генетическая предрасположенность, рыночная конкуренция.

Скрытый дух предпринимательства

Необходимо сделать следующее замечание методологического характера: исследуя раскрытый М. Вебером капиталистический дух — фундаментальную проблему экономической науки XX–XXI вв., исходим из того, что, подобно физической науке, наблюдаемое движение рыночной экономики есть в конечном итоге результат движения ненаблюдаемого капиталистического духа.

Хозяйственная практика отмечает возрастающую роль предприимчивости субъектов рынка, но не вычленяет ее скрытую «подпочву» и не фиксирует истоки скрытого капиталистического духа. На поверхность выступает видимый результат капиталистической деятельности — конкурентное изменение цены и иных условий обращения товара в стремлении к получению прибыли.

М. Вебер, рассматривая высокоразвитый капитализм XX в., сконцентрировал внима-

ние, прежде всего, на протестантском капиталистическом духе как на невидимом, первичном факторе высокоразвитого рыночного капитализма, незримо направляющем и предпринимательскую деятельность, и работу по найму.

Отталкиваясь от данной посылки, проанализируем капиталистический дух не как надстройку над экономикой, категорию, выходящую за рамки экономики (как она анализируется в марксистской литературе), а как понятие экономическое, один из ключевых компонентов базиса высокоразвитой рыночной капиталистической системы, формирующейся в подпочве одного из ее звеньев.

Обоснованный М. Вебером прогноз восходящего развития капитализма, опирающийся на идею капиталистического духа, подтверждается реалиями XX–XXI вв. С условием капиталистической экономики возрастает роль капиталистического духа как силы, направляющей развитие этой системы.

Капиталистический дух и интеллектуальный капитал

Капиталистический дух, его реализация в современной рыночной, капиталистической экономике фиксируется понятием «интеллектуальный капитал», которое вошло в экономическую науку на рубеже XX–XXI вв., когда научно-техническая революция (НТР) многократно усложнила рыночные отношения и, соответственно, интеграцию субъектов рынка в предпринимательскую капиталистическую систему. Понятие «интеллектуальный капитал» выражает проявление капиталистического духа в условиях НТР.

Интеллектуальный капитал — это капитал, авансированный в специалистов с высоким творческим потенциалом, адаптирующий субъектов рынка и рыночную систему к НТР.

Как уже отмечалось, у творческого потенциала в любой сфере деятельности, включая рыночную, имеются генетические корни¹. Если же у тех или иных субъектов рынка нет генетических корней экономической инициативы, предпринимательства, дающих возможность осваивать новую технику и технологию, адаптироваться к изменяющейся конъюнктуре рынка, то самая совершенная система образования сама по себе не может породить субъектов рынка, способных инициировать новое в экономической рыночной сфере, а самая высокая заработная плата не стимулирует инициативу.

Главное в понятии «интеллектуальный капитал» — генетические корни, не зависящие от образования, заработной платы и реализующиеся в предпринимательском капиталистическом духе.

Анализ интеллектуального капитала, его генетических корней является актуальным аспектом исследования капиталистического духа и требует отдельного рассмотрения.

¹ Коган А. М. Духовные основы конкурентоспособной экономической системы: контуры проблемы // Современная конкуренция. 2011. №3. С. 15.

К вопросу о возможности синтеза теорий К. Маркса и М. Вебера

Рассматривая теорию М. Вебера, с одной стороны, как одну из возможных альтернатив марксистской теории кардинального коммунистического преобразования общества и, с другой стороны, как исторически обусловленное развитие представлений о капиталистическом обществе на более высокой стадии его зрелости, необходимо, прежде всего, выделить основные линии разлома, отличий подходов этих выдающихся представителей экономической мысли XIX–XX вв. к анализу потенциалов, жизнеспособности и возможностям эволюции капитализма.

Различие и взаимодополнение теорий К. Маркса и М. Вебера объективно обусловлены тем, что они синтезировали капитализм на разных стадиях его развития, и каждый по-своему рассматривал эволюцию рыночной капиталистической системы. В принципиальном различии их теорий фиксируется различие между слаборазвитой стадией развития капитализма, которую исследовал К. Маркс, и его высокоразвитой стадией, ставшей предметом изучения М. Вебера.

Первая стадия

На первой стадии развития капитализма доминантой капиталистической общественной системы XIX в. была классовая борьба как результат острейших классовых противоречий. Карл Маркс, анализируя в «Капитале» экономические причины и опираясь на концепцию прибавочной стоимости, теоретически обосновал неизбежность разрушения системы.

Марксова теория эксплуатации рабочего класса отражает антагонизм интересов пролетариата и буржуазии XIX в. К. Маркс, констатируя несовершенство слаборазвитой рыночной капиталистической экономики XIX в., полагал, что она находится на завершающей стадии своего развития.

Ключевое для теории К. Маркса понятие «прибавочная стоимость» в XIX в. выражало процесс обнищания рабочего класса и воспринималось К. Марксом как неизбежное бедствие, обусловленное современной ему и, по его мнению, высокоразвитой капиталистической системой, как бедствие, нейтрализация которого требовала не эволюции капиталистической экономики, а кардинального и быстрого ее изменения революционным путем.

Историческая обусловленность подхода К. Маркса базировалась на тяжелейшем положении рабочего класса в Англии, которое ожидало и рабочий класс других стран, ставших на капиталистический путь развития. Реалии XIX в. не открывали рабочему других теоретических перспектив, кроме той, которую предложил К. Маркс. Таким образом, есть основание полагать, что марксова идея коммунистической революции порождена историческими условиями XIX в.

В середине XIX в., когда завершился процесс формирования рыночной, капиталистической системы, отношения между капиталистами и рабочими были неэквивалентными (в пользу капиталиста), антагонистическими. Достаточно напомнить, что рабочий день достигал 16 часов. К. Маркс, констатируя это, пришел к выводу, что антагонизм, проявляющийся в неэквивалентности отношений наемных рабочих и капиталистов, достигает в XIX в. высшей точки и неизбежно приведет к коммунистической революции, которая кардинально улучшит положение рабочего класса.

Рассматривая отношения между капиталистом и наемным рабочим как отношения неэквивалентного возмещения затрат рабочей силы, приводящие к ее износу и вырождению рабочего класса, и анализируя данный процесс на примере Англии XIX в., — страны, достигшей в тот период самых выгодных условий развития капитализма, К. Маркс исходит из того, что первоосновой капиталистического рынка является не свободный хозяйствующий индивид,

наемный рабочий и капиталист, с его менталитетом и рыночным духом, а капиталистическая частная собственность. Из этой посылки также следовал вывод о неизбежности революционного перехода от капиталистической частной собственности к общественной. По К. Марксу, переход в конечном итоге должен был кардинально изменить природу человека, превратить его в коллективиста, для которого общественный интерес, проявляющийся в экономической инициативе по реализации интересов общества, должен быть доминирующим.

На этой стадии развития капитализма К. Маркс не мог в полной мере увидеть и осознать парадоксальность классовой борьбы пролетариата в XIX в. за сокращение рабочего дня, повышение заработной платы (воспринимавшаяся буржуазией XIX в. как угроза капиталистической системе, с которой буржуазия боролась). Классовая борьба способствовала переходу капитализма от стадии слаборазвитой, завершившейся в XIX в., к стадии высокоразвитой — современной стадии развития капитализма, многократно повысившей его эффективность.

Вторая стадия

На ней своекорыстный интерес не только капиталистов, но и наемных рабочих приспособляется к потребностям высокоразвитой рыночной системы, завершается формирование эквивалентных отношений купли-продажи рабочей силы, рабочий день сокращается до 8 часов, заработная плата многократно возрастает и эквивалентно возмещает затраты рабочей силы, что приводит к значительному повышению благосостояния рабочих, эффективности их труда, нейтрализует антагонизм наемных рабочих и капиталистов. Зарождение этой стадии исследовал М. Вебер. Выдвинутая им альтернатива марксовой теории гибели капитализма базируется на прямо противоположном подходе к анализу капиталистической рыночной системы, что и опреде-

ляет второе кардинальное отличие теорий К. Маркса и М. Вебера.

Если в марксистской теории первоосновой рыночной капиталистической экономики является способ производства и его центральное звено — капиталистическая форма частной собственности, то у М. Вебера — вычленение капиталистического духа субъектов рынка как протестантской духовной первоосновы капиталистической экономики.

Соответственно, исходным пунктом его анализа становится не товар как элементарная клеточка капиталистической системы, а ее главный двигатель — человек (капиталист и наемный рабочий), наделенный волей, способностью к труду, инициативой и предприимчивостью, т. е. качествами, формирующими, по мысли М. Вебера, тот предпринимательский дух капитализма, который способствует гармонизации интересов человеческой личности и общества, открывая новые возможности развития рыночной капиталистической системы.

Подход к человеку капиталистической системы в марксистской теории не включает анализ той духовной первоосновы людей, сознание которых в течение столетий формировала религия, данная человеку от рождения, унаследованная им от природы, кардинально преобразующая его животное начало.

Понятие животворного религиозного духа не вписывалось в материалистическую теорию К. Маркса и как таковое не использовалось им². По К. Марксу, понятие духа, а, следовательно, и протестантский дух — религиозное понятие, выходящее за рамки экономической науки, это «надстройка» над экономикой. К. Маркс в «Капитале» ограничил рассмотрение протестантства попутными замечаниями, в которых фиксировалось корректирующее воздействие этой христианской конфессии на рыночную, капиталистическую экономику. И эта вторичность, надстроенность религиозного сознания —

одна из важных методологических основ теории К. Маркса.

В отличие от него М. Вебер перенес центр тяжести в своем анализе на категорию сознания, одну из его сторон — протестантскую религию и ее ключевое звено — капиталистический дух как базисный экономический и нравственный фактор, определяющий становление высокоразвитой капиталистической системы, сглаживающий антагонизм отношений капиталистов и рабочих.

По М. Веберу, протестантская религия развивает экономическое сознание субъекта, активизирует его генетически определенные задатки и прежде всего способность к труду. Одна из функций религии — сочленение эмоционального (пробуждающего стимул к труду) и интеллектуального компонентов сознания субъектов рынка.

Если у К. Маркса на первом плане революционное подвижничество борцов за коммунизм, то у М. Вебера — религиозное, христианское подвижничество протестантов в сфере экономики. По М. Веберу, протестантство, протестантский капиталистический дух, протестантское подвижничество побуждает и рабочего, и капиталиста самовыражаться в производительном, высококвалифицированном труде, направляет экономическую деятельность и рабочего, и капиталиста на устойчивое, равновесное развитие капиталистической системы.

При сопоставлении концепций К. Маркса и М. Вебера особенно заметно принципиальное различие их подходов к проблеме производства и стимулов к труду. По К. Марксу, капиталистическая техника и технология изначально определяют производственные отношения субъектов рынка, а они формируют дух субъектов рынка, стимулирующие мотивы их деятельности. При этом наивысший стимул к труду может возникнуть только в коммунистическом обществе и сводится к удовлетворению потребностей общества.

По М. Веберу, наивысший стимул к труду наемного рабочего и предпринимателя — это:

² Предметный указатель ко второму изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. II. М., 1978. С. 185.

- дух служения Богу в экономической сфере;

- религиозный капиталистический дух, истоки которого в природе человека и развиваются протестантством;

- протестантский стимул, реализующийся в рыночной капиталистической экономике и доказавший свою эффективность на практике;

- стимул, побуждающий субъектов рынка к самовыражению в труде (наемных рабочих — в труде по производству продукции, капиталистов — в труде по управлению предприятием, по реализации продукции), определяющий эффективность их труда.

По М. Веберу, в отличие от К. Маркса, не только труд наемных рабочих, но и труд капиталистов — их инициатива, предприимчивость — это труд производительный, объект экономической теории. У К. Маркса труд самих капиталистов был вне его экономической теории, он констатировал только конечные результаты воздействия капиталистического духа на хозяйственную деятельность капиталиста, прибыль и конкурентоспособность капиталистического предприятия.

В отличие от К. Маркса, М. Вебер анализировал прибыль и конкурентоспособность как конечные результаты, которые изначально обусловлены невидимым предпринимательским, капиталистическим духом, заложенным и в преуспевающих капиталистах, и в наемных рабочих.

В центре внимания М. Вебера анализ врожденного частного интереса капиталистов и наемных рабочих, побуждающего их к труду и реализующегося в капиталистическом предпринимательском и наемном духе как всеобщая тенденция. Этот подход в значительной мере отражает реалии общественной жизни, чем теория доминирования общественного интереса над частным. Такая доминанта не заложена в генофонде человека и поэтому не является глубокой генетической тенденцией, определяющей способ его существования и развития.

Подводя некоторые итоги, следует еще раз подчеркнуть, что теории К. Маркса и М. Вебера, отторгая, дополняют друг друга. Отторжение заключается в том, что теория К. Маркса фиксирует классовый антагонизм, характерный для завершающей стадии становления капиталистической экономики в середине XIX в. Напротив, теория М. Вебера с ее сердцевинной — капиталистическим духом — адекватна высокоразвитому капитализму XX–XXI вв.

Таким образом, в принципиальном различии теорий объективно отражается различие стадий развития капитализма.

Взаимодополняемость теорий К. Маркса и М. Вебера состоит в том, что, отражая капитализм на разных стадиях его развития, они раскрывают особенность эволюции рыночной капиталистической системы.

Принципиальное различие теорий К. Маркса и М. Вебера не отторгает их предрасположенность к синтезу. Наука XX в. дает немало примеров синтеза ранее, казалось бы, несовместимых теорий.

Предрасположенность к синтезу подходов К. Маркса и М. Вебера обусловлена тем, что каждая из них выполняет следующие функции:

- отражает одну из сторон реальной экономической жизни, дополняющих друг друга;

- парадоксальным образом способствует разрешению противоречий развития экономики, сознания и науки;

- препятствует упрощенному восприятию сложнейших процессов развития капиталистического мира.

Следует особо подчеркнуть роль парадокса в углублении научных знаний. Парадоксальное мышление — признак высокоразвитого интеллекта, предрасположенного к научному познанию. Это умение, казалось бы, в видимых противоположных несовместимых процессах и явлениях (например, экономика и религия) выявить невидимые сочленяющие их звенья. Парадокс, например, заключается во взаимоисключении и возможности синте-

за. Так, взаимоисключение теорий К. Маркса и М. Вебера, очевидно, лежит на поверхности. Напротив, их взаимодополнение скрыто, невидимо, нуждается в поиске и выявлении новых способов анализа.

Здесь сталкиваемся с противоречием, присущим процессу познания современной капиталистической экономики: с одной стороны, возрастает необходимость проникать в ее глубинную клеточную подсистему, концентрирующую потенциальную рыночную концентрирующую потенциалы рынка; с другой стороны, подсистема удалена от реальных экономических процессов и возрастает трудность их анализа.

Преодоление этих трудностей возможно на основе синтеза теорий К. Маркса и М. Вебера, который в свою очередь предопределяет эффективность экономики XXI в. Их связующее звено — капиталистический дух — есть, по нашему мнению, тот невидимый компонент, которому под силу разрешение парадоксов современной экономической науки и обеспечение ее развития.

Синтез теорий К. Маркса и М. Вебера имеет первостепенное значение для осмысления формирующейся рыночной российской экономики XXI в. Отсюда ключевой является и поставленная М. Вебером проблема развития созидательного капиталистического духа субъектов рынка, способного решать сложнейшие, обусловленные НТР задачи развития рыночных отношений в России, интегрирующей в высокоразвитую мировую рыночную систему.

М. Вебер писал: «Там, где он развивается и оказывает свое воздействие, он добывает необходимые ему денежные средства, а не наоборот... Вряд ли кто-либо станет отрицать, что лишь необычайная сила характера могла уберечь... предпринимателя “нового стиля” от потери самообладания, от морального и экономического краха, что наряду со способностью трезво оценивать ситуацию и с активностью он должен был обладать, прежде всего, ... ярко выраженными “этическими качествами”, которые только и могли обеспечить доверие клиен-

тов и рабочих; только эти качества могли придать ему должную энергию для преодоления бесчисленных препятствий и прежде всего, подготовить почву для безграничного роста интенсивности и производительности труда, которые необходимы в капиталистическом предпринимательстве и несовместимы с безмятежным существованием и наслаждением жизнью; эти (этические) качества по своей специфике относятся к другому типу, чуждому традиции прежнего времени и адекватным ему свойствам³».

Актуальность проблемы рыночного капиталистического духа для российской экономики, ее конкурентоспособности

В России, где предпринимательский дух как пережиток капитализма вытравлялся в течение многих десятилетий, данная проблема начинает привлекать к себе внимание потому, что в настоящее время наметился социальный заказ на протестантскую мораль. От человека требуется бережливость, трудолюбие, расчетливость, честность в деловых отношениях, уважение к собственности. Этот социальный заказ предопределяется тем, что «...состояние экономики государства во многом зависит от нравственного состояния общества. Высокий уровень экономической жизни США, стран Западной Европы во многом определяется тем, что их население встало под знамена протестантизма»⁴.

Наша цель — выявить в экономике России XXI в. (ставшей на путь рыночного капиталистического развития) предпосылки зарождения и развития духа рыночной капиталистической экономики.

В России главный труд М. Вебера был издан в 1885 г., однако в силу особенностей российского пути развития капита-

³ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс 1990. С. 88–89.

⁴ Там же.

лизма и российской ментальности проблема капиталистического духа не привлекла к себе широкого внимания научной общественности. После публикации книги на русском языке не было издано ни одной книги экономистов о капиталистическом, протестантском духе. Например, в каталоге Российской государственной библиотеки — центральной библиотеки России — не обозначены книги экономистов о веберовской концепции капиталистического протестантского духа.

В России на рубеже XIX–XX вв. для восприятия идей М. Вебера не имелось ни экономической, ни научной, ни религиозной почвы. Развитие капитализма в России, начавшееся после отмены крепостного права в 1861 г., стимулировало вовлечение в этот процесс поколения крестьян, слабо предрасположенных к интеграции в рыночную, капиталистическую систему, что обусловлено пережитками крепостничества, сохранившимися в российской деревне и во многом сформировавшими ментальность народа.

В России начала XX в. капиталистический дух находился на стадии зарождения, этот процесс требовал формирования свободного индивида, предпринимательского духа и капиталиста, и наемного работника, способных к инициативе и предприимчивости, необходимых для развития рыночной капиталистической системы. К началу века с большими издержками в стране сформировался генофонд субъектов рынка, не только рабочих, но и капиталистов.

В среде российской интеллигенции широкий интерес вызывали труды К. Маркса. Создавались кружки по изучению его экономической теории. Его главная идея коммунистического преобразования общества, опирающаяся на исходную посылку его теории — материя первична, сознание только вторично и отражает материю, — легко воспринималась его адептами, что делало революционные выводы К. Маркса доступными не только для революционной интеллигенции, но и для рабочих.

В. И. Ленин вслед за К. Марксом не использовал понятие «капиталистический дух» как категорию экономической науки. Инициатива, предприимчивость не рассматривались им как главная движущая сила капиталистического рынка. Как и К. Маркс, В. И. Ленин фиксировал внимание на негативных для рынка проявлениях капиталистического духа — на стяжательстве, стремлении к достижению прибыли любым путем, включая тот, который несовместим с позитивным развитием рыночной, капиталистической системы, способствует ее саморазрушению.

Подход В. И. Ленина к капиталистической экономике XX в. как к монополистической, подрывающей свободную конкуренцию создавал благоприятные условия для коммунистической революции, подкрепляя выводы К. Маркса о ее необходимости, неизбежности.

Впоследствии И. В. Сталин, популяризируя эти идеи посредством весьма примитивных приемов, сделал их достоянием миллионов людей, что способствовало упрощенному представлению о марксистской теории, в том числе и отторжению понятия «капиталистический дух».

Последующие события, определившие коренные изменения общественного строя в России, на протяжении десятилетий искаряли все начавшие ранее формироваться представления о капиталистическом духе.

Вместе с тем, выдвинув идею высокоразвитой эффективной коммунистической экономики как экономики будущего, К. Маркс не сконцентрировал внимания на обосновании экономической эффективности идеи. Реалии же XX–XXI вв. доказали ее неэффективность и неконкурентоспособность.

В крестьянской стране предпосылки формирования свободного индивида были подорваны коллективизацией 30-х гг. XX в. Политика, идеологически оформленная как добровольно принимаемая основной массой крестьянства — бедняками и середняками, уничтожила инициативных крестьян, так называемых кулаков. Национализировав зем-

лю, советская власть лишила крестьян собственности на землю в рамках общины, лишила главного — права распоряжаться землей по своему усмотрению. Дух приоритета интересов общества, общественной коллективной собственности, насаждавшийся партией, оказался духом нежизнеспособным, экономически неэффективным. Это проявилось в присвоении каждым колхозником общественной собственности в своих интересах и в конечном итоге приводило к ее расхищению и снижению уровня благосостояния и рабочих, и колхозников.

Расхищение кооперативно-колхозной и государственной собственности, а также воровство, фальсификация отчетов о работе колхозов стало повсеместным, что негативно воздействовало на всю экономику, ее субъектов — и рабочих, и колхозников.

Как отмечают исследователи, требования постоянной отчетности со стороны государственных организаций управления породили «показуху», т. е. умение представлять любые результаты в качестве достижений⁵.

Осознание же себя, как одного из многих владельцев общественной собственности, несовместимое с ее присвоением в личных интересах, с ее расхищением, стало массовым явлением, негативно воздействующую на экономику. Это разрушало генофонд субъектов производства и имело для народного хозяйства последствия худшие, чем для рабочих и крестьян капиталистических стран. Утрачивались стимулы к производительному труду, его нравственные основы.

Коллективизация в российской деревне, подорвав рыночные стимулы к труду, привела к сельскохозяйственному кризису на рубеже 20–30 гг. XX в., породившему голод, который унес жизни миллионов людей. Причиной голода стала экспроприация зажиточных, свободных и предприимчивых крестьян — тех, в ком от рождения был генетически заложен рыночный предпринима-

тельский дух, у кого срабатывал рыночный стимул к труду, так называемых кулаков — носителей генофонда российского рынка. Уничтожение кулачества подкрепилось уничтожением духовного генофонда — служителей церкви.

Негативные последствия политики ликвидации кулачества и служителей церкви — политики, направленной на вытравление генофонда российского рынка и встроеной в идею построения социализма, — проявляются и спустя десятилетия, на рубеже XX–XXI вв. при переходе России к рыночной экономике, точнее, при возвращении к рынку.

Десятилетия советской власти показали, что ликвидация частной собственности, переход к государственной, общественной собственности не ликвидировали обусловленного частной собственностью своекорыстного интереса хозяйствующих субъектов, его генетической, эмоциональной основы, а привели лишь к изменению формы реализации такого интереса — к расхищению государственной собственности, подрывающему благосостояние народа. Главную форму ее расхищения, воровство, не смогли пресечь законодательно жесткие меры советского государства.

В годы советской власти была подорвана и такая важнейшая основа развития экономики и рыночной ментальности, как свободный субъект — индивид, свобода частного интереса которого, как показал М. Вебер, реализуется в его капиталистическом духе. Крестьяне (во всех странах — это почва зарождения и формирования субъекта рынка) в середине XX в. не имели паспорта, т. е., как и во времена крепостного права, прикреплялись к земле.

Формирование свободного хозяйствующего индивида в России противоречило идее построения плановой экономики во всех ее сферах. Так, если одна часть населения не имела паспорта, то другая его часть институтом прописки была лишена права свободно передвигаться и по своему усмотрению изменять место жительства,

⁵ Зарубина Н. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 93.

а соответственно — место работы: искать работу в городе.

Закон, лишивший крестьян паспорта, подобен верхушке айсберга. У него был подводный невидимый пласт: прикрепление советским государством (собственником земли) крестьян к земле, ограничивающее их свободу, препятствующее их становлению как свободных субъектов рынка. Такое становление не соответствовало конечной цели Октябрьской революции — построению коммунистической административно-командной экономикой.

Хотя по Конституции СССР каждый человек свободен, по существу все были прикреплены к государству как к собственнику земли, жилого фонда, активов и любых жизненных благ.

Грань между кооперативно-колхозной и государственной собственностью была во многом размыта. Их отождествлению способствовало изъятие всего произведенного сельскохозяйственного продукта в пользу государства.

Нерыночные отношения несвободных людей, подрывая их стимулы к труду, а соответственно сельское хозяйство, обусловили российский сельскохозяйственный кризис 50-х г. XX в., побудивший освоение целинных земель. В российской деревне нерыночный идейный базис отношений сохранялся до 70-х гг. XX в.

Миллионы гектаров заброшенных земель, образовавшихся в результате прекращения советского паспортного режима, прикреплявшего крестьян к земле, являются косвенным свидетельством того, что такой атрибут социалистического сельского хозяйства, как прикрепление крестьян к земле, служит способом подрыва капиталистического духа и несовместим с эффективным функционированием данной сферы отношений.

Нерыночные отношения сохранялись и в городе, хотя и не так жестко, как в деревне.

Работники государственных предприятий и организаций, будучи членами коммунисти-

ческой партии СССР (это миллионы людей), прикреплялись к месту работы системной партийного учета: чтобы сменить место работы, коммунист должен был сняться с партийного учета, что зависело не только от его желания, но и от желания партийного руководства предприятия, а оно могло и не снять с учета, тем самым закрепить коммуниста за предприятием, лишив его возможности искать новое место работы.

Советское образование и культура, полностью подвластные в то время диктату государства, завершали разрушение истоков капиталистического духа — первоосновы, подпочвы российского рынка.

Десятилетие советской власти подтвердило правоту не К. Маркса, а М. Вебера: кардинальные изменения в российской экономике не привели, как уже отмечалось, к кардинальному преобразованию духа, духовности людей, сознание граждан СССР не стало коммунистическим.

Годы советской власти подорвали одну из основ капиталистического рынка — предпринимательский дух отношений капиталистов и рабочих, дух эквивалентности. Он вытравлялся не только в годы советской власти, но и в течение столетий крепостного права в России. Опыт построения социализма в селе также показал, что национализация:

- не является эффективной альтернативной воздействию рынка на его субъекты;
- не приспособливает их своекорыстный интерес к потребностям экономической системы;
- не реализует прогноз К. Маркса, согласно которому переход от частной собственности к общественной приведет к кардинальному изменению духа, духовности людей, их общественного сознания, превратив его в коммунистическое.

Общественный интерес не стал перво-степенным для хозяйствующего субъекта, а коммунистический дух не превратился в альтернативу духу капиталистическому, точно так же труд не стал потребностью советских людей. Пробивала себе дорогу

противоположная тенденция — негативного отношения к труду, обусловленная подрывом его рыночных капиталистических стимулов.

Процесс советизации общества, искоренение духа свободного индивида, подрыв хозяйственной инициативы и свободы личности завершился, как известно, распадом страны в начале 90-х гг. XX в. и ее болезненным, трудным возвратом к рынку. Вместе с тем переход России к частной собственности в 1991 г. дал первичный импульс выходу из тупика, в который ее завело отторжение капиталистического рынка. В этих условиях предпринимательский дух субъектов рынка должен быть заново осмыслен как импульс и ключевое звено преобразований экономики России на рубеже XX–XIX вв.

Парадоксальная особенность становления современного российского рынка заключается в том, что он является одновременно и высокоразвитым (использующим деньги, кредит, современные информационные технологии), и слаборазвитым (формирование рыночного менталитета, капиталистического духа хозяйствующих субъектов, предопределяющего их становление как субъектов рынка, находится на начальной стадии).

Как справедливо отмечает Ю. Давыдов, современные информационные технологии, способствуя реализации капиталистического духа, не являются его альтернативой, не могут выполнять его функций. «...Капитализм, возникший на нашей “постперестроечной” почве, — больше похож на тот, который согласно М. Веберу, ... предшествовал возникшему на Западе в XVI–XVII вв. ... типологически отличается от современного западного, распространенного теперь во всем мире»⁶.

Наглядными свидетельствами неразвитости капиталистического духа эквивалентных отношений субъектов российского рынка остаются:

- несоответствие заработной платы, необходимой для эквивалентного воспроизводства российской рабочей силы, и заработной платы, которую российские рабочие получают (она значительно ниже, чем на Западе);

- малоэффективная работа российских профсоюзов, защищающих интересы рабочих;

- отсутствие стимулов к самостоятельной предпринимательской деятельности и др.

Для полноценной интеграции в мировую хозяйственную систему нужно нейтрализовать антирыночную тенденцию развития народного хозяйства, развивающуюся в России в течение многих десятилетий. На наш взгляд, без идеологической «подпочвы» решить данную задачу невозможно.

Накопленный за два десятилетия опыт перестройки свидетельствует о том, что возрождение рыночных отношений в России не сводится к восстановлению частной собственности. Последняя — лишь одна из предпосылок этого процесса. Главное — решение сложнейшей задачи преобразования мышления субъектов рынка, его динамичности, формирования свободного инициативного индивида — субъекта рынка, обладающего соответствующей ментальностью, капиталистическим духом. Такой подход к проблеме формирования субъекта рынка ставит под сомнение то, что ваучеризация как инструмент перехода к рынку сама по себе способна решить поставленную задачу. Требуется более глубокое осмысление подхода к решению проблемы становления субъекта российского рынка, который был реализован в России на рубеже XX–XXI вв.

В его основе — марксистское представление о том, что частная собственность как первооснова процесса формирования субъекта рынка решит указанную проблему.

Исходной посылкой экономической политики сложнейшего перехода России к рынку на рубеже XX–XXI вв. стала идея ваучеризации, согласно которой для формирования хозяйствующих субъектов российского рынка, превращения их в частных собствен-

⁶ Давыдов Ю. Макс Вебер и современная социология. М.: Мартис, 1998. С. 17.

ников надо оценить принадлежащее советскому государству богатство России и, разделив его на количество граждан, передать каждому гражданину в частную собственность его долю общественного богатства. Ваучеризация действительно стала важной предпосылкой формирования в России рыночных капиталистических отношений, возрождения двух основных классов капиталистического общества, взаимно заинтересованных в сотрудничестве.

Но первооснова процесса формирования субъекта капиталистического рынка не сводится к законодательному акту — к ваучеризации, восстанавливающей частную собственность. Это, как свидетельствует западноевропейский опыт, длительный процесс формирования личности свободного индивида, зарождение и становление его рыночного менталитета, капиталистического духа. Поэтому ваучеризация может стать лишь началом процесса, а не его завершением. Функции же развития капитализма, восхождения его к более высоким стадиям способен выполнять только свободный предприимчивый индивид, способности которого не только защищает, но и формирует частная собственность. Такой индивид, способный интегрироваться в рыночную систему XXI в. с ее непрерывно обновляющимися потребностями, пока не сформировался в России на рубеже XX–XXI вв.

В начале 90-х гг. XX в. свободные хозяйствующие субъекты являются скорее исключением из общего порядка. И это объяснимо. Сам по себе переход к частной собственности (закон о ваучеризации) не создает свободного индивида. Становясь по закону о ваучеризации частным собственником, хозяйствующий субъект не обретал способность к рыночной инициативе, предприимчивость, волю, которые адаптируют его в современную рыночную систему.

Государственные же законы сами по себе не альтернатива рыночной ментальности, капиталистическому духу (чем строже закон, тем выше взятка, позволяющая его обойти).

У российской экономической системы есть рыночные атрибуты — деньги, конкуренция, свободное ценообразование, кредит, и т. д., за исключением главного, первичного ее атрибута — свободного индивида с присущим ему рыночным менталитетом, предпринимательским духом, пробуждающим приспособлять собственный интерес к требованиям рыночной системы.

Заключение

Рыночный менталитет, капиталистический дух, не может быть создан законодательством. Возрождение его — длительный эволюционный процесс сочленения своекорыстного интереса хозяйствующих субъектов с потребностями рыночной, капиталистической системы, процесс формирования субъектов рынка, их менталитета, капиталистического духа, процесс, основы которого подкрепляются законодательством, но не создаются законами. Они ставят человека в условия, когда ему выгоднее соблюдать закон, нежели его нарушать. Здесь срабатывают генетические корни человеческой личности, ее, как показывал М. Вебер, нравственные этические устои — протестантство и законодательство — генетические корни, предрасполагающие к развитию капиталистического духа. Государство может и способствовать, и препятствовать его развитию.

Исходная посылка ваучеризации — законодательство, закон о ваучерах, восстанавливающий частную собственность, как альтернатива сложнейшего процесса формирования свободных индивидов, субъектов рынка, их капиталистического духа — иллюзорна и ограничена.

Она создавала благоприятные условия не для формирования свободных, инициативных субъектов рынка, адекватных высококоразвитой рыночной, капиталистической экономике XXI в., а для формирования субъектов рынка, главной целью которых является личное обогащение, нередко не связан-

ное с адекватной адаптацией в рыночную, капиталистическую экономику.

Ваучеризация, породив представление о простом и быстром решении проблемы формирования субъектов российского рынка, скрыла главное, что предопределяло сложность формирования субъектов российского рынка: в России на рубеже XX–XXI вв. не сформировался свободный, инициативный индивид, способный воспринять предпринимательский дух и интегрироваться в современную высокоразвитую рыночную систему; для решения проблемы перехода России к рынку такой свободный и инициативный индивид жизненно необходим.

В современных условиях проблема возрождения капиталистического духа, генерации носителей его главных качеств, в том числе и нравственных — инициативы, предприимчивости, предрасположенности к модернизации экономики, мышления и жизненного уклада в целом выходит на первый план. Актуальным становится осознание необходимости для России на рубеже XX–XXI вв. интегрировать протестантскую идею капиталистического духа в православие и тем самым использовать ее с целью формирования субъектов российского рынка.

Кардинальные изменения рыночной, капиталистической экономики на рубеже XX–XXI вв., побуждая к исследованию предпринимательского духа субъектов рынка, дают импульс переосмыслению связанных с духом как таковым фундаментальных проблем соотношения бытия и сознания, науки и религии. Их соотношение отража-

ет наиболее глубокие, корневые истоки капиталистического духа и его преобразования, обусловленного НТР, а соответственно — истоки формирования субъектов российского рынка на рубеже XX–XXI вв. Эти проблемы — предмет отдельного исследования. Следует также отметить, что вне поля нашего анализа теоретической модели формирования субъектов высокоразвитого капиталистического рынка остается множество вопросов, и общетеоретических, и относящихся к специфике российского рынка, форм и методов его устройства.

Список литературы

1. Коган А. М. Макрорегулирование высокоразвитого рынка: «невидимая рука» конкуренции, потребности системы. М.: Маркет ДС, 2006.
2. Круглый стол «Вопросы теории конкуренции» // Современная конкуренция. 2010. № 3 (21). С. 4–37.
3. Фрайер П. Г., Швейцер А. Картина жизни. М., 1982. С. 92.
4. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1948. С. 76.
5. Зомбарт В. Буржуа. М.: Наука, 1994.
6. Неусыхин А. Н. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика истории науки // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 628–629.
7. Вебер М. Избранные произведения. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. С. 200.
8. Фонтенель Б. Диалоги мертвых — древних и новых. Свободное рассуждение о древних и новых // Спор о древних и новых. М., 1985. С. 31.

A. M. Kogan, Doctor of Economics, Professor

SPIRITUAL FOUNDATIONS OF A COMPETITIVE ECONOMIC SYSTEM: SYNTHESIS OF THE THEORIES AND RUSSIAN EXPERIENCE

The article deals with the nature and content of the entrepreneurial spirit of capitalism, and its influence on the formation and development of the capitalist system of XX–XXI centuries.

The paper presents an attempt to combine the views of Max Weber on capitalism spirit with the basic concepts of economic doctrines of Karl Marx, as well as disclosed problems of formation of market capitalist spirit of the Russian economy and its competitiveness.

Key words: capitalist spirit, the Protestant ethic, mentality, Marxist theory, capitalist system, genetic predisposition, market competition.